41. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. – Симферополь, 2002. .
41. Там же. – С. 247
42. Там же. – С. 248.
43. Там же.

Мусаева У. К.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ КРЫМА В 20-Х – 30-Х ГОДАХ XX ВЕКА В ЕВПАТОРИИ

Данное исследование проведено в русле проблемы изучения Крыма в период Крымской АССР. Оно проводилось в рамках научно-исследовательской госбюджетной темы «Этнокультурные проблемы народов Крыма» (шифр Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – 169/97) и координационного плана Министерства просвещения и науки Украины «История этнонациональных процессов в Украине» (регистрационный номер: 05-04-МВ/97).

Данный аспект истории крымоведения не получил освещения в исторической литературе. До конца 90-х XX века его вообще игнорировали, а в последние годы вопросами биографистики деятелей крыскотатарской культуры занимался профессор Д. П. Урсу, в публикациях которого названы основные направления этнографических исследований в Крымской АССР. В публикации Л. И. Рославцевой (2001 г.), в которой тезисно раскрыта роль П. Я Чепуриной в изучении ткачества крымских татар, не приведено ни одной ссылки на источники информации, что существенно снижает ее научный уровень. *Цель* данной публикации – охарактеризовать деятельность краеведов Евпатории в области этнографических исследований. *Задачи* статьи – на основе архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, вернуть из забвения имя выдающегося подвижника краеведческих исследований той эпохи – П. Я. Чепуриной.

Одним из ведущих центров по изучению культуры народов Крыма в «Золотое десятилетие советского краеведения» являлся Евпаторийский археолого-этнографический музей, основанный в 1916 году благодаря подвижничеству заведующего раскопками и музеем в Херсонесе Лаврентия Алексеевича Моисеева и профессора Петроградского университета Михаила Ивановича Ростовцева [1]. Одновременно с археологической коллекцией было положено начало и этнографическому собранию. Музею была подарена коллекция караимских вещей. Уже к 1920-му году этнографические материалы, характеризующие культуру и быт караимов Крыма, занимали в музее «первое место» [2]. Это было связано с тем, что в Евпатории проживала наиболее многочисленная караимская община. Караимы свозили в музей рукописи, книги, предметы быта, религиозного культа. Помещением, где концентрировались экспонаты, стала городская библиотека.

Вопрос о выделении помещения для коллекции был решен только после окончательного установления Советской власти в Крыму. В феврале 1921 г. распоряжением начальника 46-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии для музея, который теперь именовался «Искусство старины» было выделено здание по улице Советской [3]. В протоколе заседания Евпаторийской секции ОХРИС от 20 июля 1921 г. отмечено, что «хотя научная классификация еще не окончена, но музей может быть открыт для широкой публики» [4]. Уже через 2,5 месяца там было собрано около двух тысяч экспонатов. (Более половины из них составляла нумизматическая коллекция). В отчетах о деятельности музея за 1921 год отмечалось, что здание музея, еще при принятии его, было в крайне неудовлетворительном состоянии. Поэтому сотрудники, прежде всего, были заняты ремонтом помещения, а уже потом взялись за формирование экспозиции и фондов. Предметы для этого отбирались из складов жилищного отдела и Наробраза. Особенно богатыми являлись коллекции японских вещей: эмали и ткани. Однако отсутствие витрин и полок препятствовало созданию полновесной экспозиции [5]. «Все же удалось сделать предварительную расстановку. Окончательная будет сделана, по возможности, скоро», – отмечалось в «Отчете» от 15 апреля 1921 г., – «Приступили к классификации, номеровке и составлению каталога, который вчерне почти готов» [6].

В 1921 г. была начата работа по созданию «Восточной комнаты». Этим занимался Восточный отдел музея. Нами выявлены рукописи доклада заведующей Евпаторийской секцией Крымохриса заведующей музеем «Искусство старины» П. Я. Чепуриной, зачитанный на секции ОХРИС, где планировалось усилить работу этого отдела музея. Здесь же приведено подробное описание проекта «Восточной комнаты»: «В глубине помещения устроить нечто подобное убранству сакли татарской». Докладчик констатировала, что «сейчас вещей уже достаточно, чтобы заполнить такую комнату» [7]. Действительно, по данным чернового каталога музея (1921 г.) в нем насчитывалось восточных тканей, ковров, чадры, паранджи – 213 единиц, художественной мебели – 22 единицы, различных восточных вещей 160 единиц [8].

В апреле 1921 г. на заседании Евпаторийской секции ОХРИС обсуждался вопрос о привлечении татарина в качестве заведующего «Восточной комнатой» и караимов для разбора караимских рукописей в архивном отделе секции [9]. Положение с сохранностью караимских рукописей в первые послевоенные годы было катастрофическим. В письме в Евпаторийский ревком от 15 июня 1921

г. П. Я. Чепурина требует принять решение о необходимости сохранения архивных документов, которые продавали на базаре на вес, как обычную бумагу для топки [10]. На заседании Евпаторийской секции ОХРИС от 21 апреля 1921 г. было принято решение «хлопотать о командировке П. Я. Чепуриной и И. С. Аирчинского для обследования татарских кустарных татарских работ домашнего обихода» [11].

Из письма-отчета Евпаторийской секции ОХРИС Крымскому ОХРИС от 16 июля 1921 г. явствует, что работы по созданию «Восточной комнаты» велись с 22 июня по 16 июля 1921 г. С этого времени кроме «Восточной комнаты» в музее «Искусство старины» также функционировала комната прикладных искусств. В письме сообщалось, что «отыскан еще один старый дом по Купеческой улице, 123 (Караимского духовного правления), имеющий прекрасный резной потолок (в полной сохранности), остаток галереи, карнизов» [12]. Благодаря ходатайству сотрудников ОХРИС он был взят на музейный учет и освобожден от постоя.

Развитие этнографических исследований в Крыму в 1920-е годы непосредственно связано с именем выдающегося евпаторийского краеведа Полины Яковлевны Чепуриной (1880-?). Ее имя было забыто вплоть до конца XX века. Впервые ее роль в развитии востоковедческих штудий была отмечена проф. Д. П. Урсу [13]. На основе изученных в архивах Симферополя и С.-Петербурга биографических документов нам удалось восстановить основные этапы жизни и творчества ученой.

П. Я. Чепурина родилась 8 октября 1880 г. в Киеве в семье священника [14]. После традиционного курса домашнего образования она окончила Евпаторийскую гимназию, а затем Одесское художественное училище. Образование было продолжено через несколько лет в Московском археологическом институте, где Полина Яковлевна получила специальность «археолог-художник» [15]. Ее научным наставником в Институте была известный этнограф Вера Николаевна Харузина (1886-1931) [16]. Значительным этапом в научном развитии П. Я. Чепуриной стала ее поездка в Европу в 1898 году (7 месяцев в Италии и 3 месяца в Германии), где она изучала народное искусство [17]. В 1903–1910 гг. П. Я. Чепурина работала в Одессе – фабричной воскресной школе [18] и одновременно – на Одесской художественно-промышленной выставке. А затем «по собственному почину занялась собиранием и изучением крымскотатарского орнамента». В 1910–1911 гг. состоялась ее первая научная экспедиция по Крыму, где она собирала крымскотатарское орнаментное шитье. Маршрут экспедиции охватил Юго-Восточный Крым: Отузы, Козы, Токлук, Судак, Таракташ, Капсихор, Кутлак, Ай-Серез. Главной находкой стало творчество художницы-рисовальщицы орнамента и технического мастерства Айше Мамбетовой из деревни Отузы.

По приглашению Евпаторийского наробраза П. Я. Чепурина в 1921 г. заняла должность заведующей музеем «Искусство старины». (В документах музей также именуется самой П. Я. Чепуриной с 1925 по 1928 гг. – Евпаторийский этнографо-археологический музей). Заполняя анкету Комиссариата внутренних дел Крымской АССР для граждан, вступающих в Российское общество по изучению Крыма (РОПИК), П. Я. Чепурина так определила свои цели в работе Общества: «Научно-художественное изучение Крыма за период XII – XVIII века» [19].

Начало научных исследований П. Я. Чепуриной в области изучения крымскотатарского и караимского народного искусства относится в 1915-1917 годам, когда на заседании этнографического кружка при Археологическом институте она прочла доклады: «Орнамент крымскотатарской вышивки», «Быт, искусство и архитектура крымских татар». В 1923 г. на географическом отделении Первого Московского государственного университета Полина Яковлевна выступила с сообщениями «Евпаторийская старина и орнамент крымских татар» [20] и «Бытовое искусство крымских татар и памятники старины» [21]. По данным докладной записки П. Я. Чепуриной на имя заведующего Евпаторийским отделом народного образования от 20 октября 1924 г. ею были разработаны научно-популярные лекции: «Евпатория в прошлом: По материалам раскопок 1916-1917 годов», «Татарское орнаментарное искусство», «Караимское искусство как одно из слагаемых искусства Востока». Краевед предлагала сделать выступления платными, а средства перечислить в фонд Ассоциации любителей караимской старины и искусства [22].

Первая из выявленных публикаций П. Я. Чепуриной появилась в издании РОПИК – журнале «Крым» в 1925 г.: «Евпатория – ее живая археология» [23]. Статья носила информативный характер. В ней тезисно были изложены основные этапы истории развития города и дана характеристика наиболее значимым экскурсионным объектам. В статье дается характеристика евпаторийской Караимской библиотеке-музею, приютившейся «в низеньком старинном доме» по близи кенасы, и городского «музея краеведения». В это время в музее действовало 5 отделов: 1) караимский, с предметами религиозного культа и бытовыми; 2) татарско-ногайский (на материалах Евпаторийского уезда); 3) археологический, посвященный раскопкам Керкинитиды; 4) курортно-бальнеологический и 5) производственный, посвященный Сакским соляным промыслам и бромному заводу.

В следующем году в том же издании П. Я. Чепурина поместила очерк «Евпаторийский музей» [24], где кратко остановилась на характеристике предметов культуры караимов и крымских татар, представленных в экспозиции.

В плане научно-исследовательской работы Евпаторийского краеведческого музея на 1925-1926 годы заведующая наметила двухнедельную командировку в Москву и Ленинград для знакомства с постановкой научной обработки и охраны предметов этнографии: тканей, вышивок, кустарного производства. Намечалось провести систему

каталогизации и классификации собрания предметов быта крымских татар и караимов. Отдельным пунктом были указаны разработки в области караимской библиографии. В заключении к плану научной работы П. Я. Чепурина отметила, что накопленный этнографический, художественный и фольклорный материалы вполне могли бы стать основой для фундаментальных научных исследований [25].

На Международной выставке декоративного искусства и современной художественной промышленности, состоявшейся в 1925 г. в Париже, представленные П. Я. Чепуриной вышивки крымских татар были удостоены бронзовой медали. Этот успех вдохновил краеведа на работу, целью которой было восстановить по всему Крыму угасавшее к тому времени искусство шитья и ткачества, а по мере возможности и других ремесленных производств, продукция которых достигала высокого художественного уровня. К этой работе она привлекла известных ей мастериц и в последующие годы на базе Бахчисарайского дворца периодически работали четырехмесячные курсы, которые должны были положить начало формированию вышивально-ткацких артелей.

В 1926 г. П. Я. Чепурина приняла участие в конференции археологов СССР, которая проходила на базе Керченского археологического музея им. А. С. Пушкина. В «Бюллетене» Конференции выявлена ранее неизвестная ее публикация, посвященная характеристике Корана из Евпаторийской мечети [26]. Данью краеведческим штудиям предыдущих лет стала публикация П. Я. Чепуриной очерка «Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Мечеть)» [27]. Вместе с историческим очерком создания данного архитектурного памятника в публикации представлена подробная характеристика Корана, который исследовательница выявила в 1924 г. в данной мечети. Для историков науки несомненный интерес представляет приведенная автором систематизация хода изучения мечети Джума-Джами в XIX – начале XX века.

Являясь человеком творческим, отдавая всю себя науке Полина Яковлевна порой не обращала внимание на формальные стороны работы в должности заведующей музеем. В мае 1927 г. при проверке фондов Евпаторийского музея краеведения сотрудником Комитета по делам музеев и охране памятников Я. П. Бирзгалом были выявлены «злоупотребления и должностные преступления» П. Я. Чепуриной, заключающиеся в раздаче некоторых материалов фондов («художественных ценностей») музея частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению [28]. Так, гражданке Ходжам-Капленовской были выданы пять картин известных мастеров XIX века; гражданке Кольевой был возвращен гарнитур старинной мебели; гражданину Казасу выданы ваза, две скульптуры, ковер, скатерть; гражданину Муждабе отдан старопечатный Коран [29]. Несмотря на объяснения заведующей музеем, о том, что ею были возвращены жителям города вещи, незаконно реквизированные у них в первые годы Советской власти, когда «уплотнялись» особняки состоятельных граждан, против П. Я. Чепуриной было возбуждено уголовное дело. Хотя в ходе следствия обвинения уголовного плана были сняты и доказано, что краевед лишь пыталась восстановить социальную справедливость и вернуть людям их вещи, на Полину Яковлевну были наложены дисциплинарные взыскания и она была уволена с должности заведующей музеем [30].

Новым заведующим был назначен Яков Георгиевич Благодарный (1882-?). В «Карточке для учета лиц, интересующихся вопросами изучения Крыма» в 1928 г. при оформлении на работу он записал, что имеет специальность «педагог» при незаконченном высшем образовании. Являясь человеком далеким от историко-этнографических исследований Я. Г. Благодарный по-своему видел перспективы развития музея. В служебной записке от 1 сентября 1928 г. он указал, что «<…> музей стал на ложный путь – он не несет на себе задач нашего социалистического строительства. Поставив себе целью реорганизовать музей в учреждение краеведческого типа, которое способствовало бы выявлению производственных сил района и возможностей экономического и культурного развития его, я наметил созидание при музее новых отделов: 1) кустарно-промышленного, 2) сельского хозяйства, 3) кооперации и торговли, 4) историко-революционного, 5) татарского (материальная культура татар)».

Непонимание Я. Г. Благодарным значения этнографических разработок П. Я. Чепуриной привело к личному конфликту между ними. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся обрывки переписки двух краеведов. Работая с марта 1928 г. по март 1929 г. помощником заведующего и хранителем музейного имущества [31], Полина Яковлевна не могла мириться с фактами, когда по указанию Я. Г. Благодарного вышивки и экспонаты «Восточной комнаты» отдавались в артели для использования в швейном производстве или для продажи, а редчайшие книги библиотеки им. А. Ю. Мирчи, хранившиеся в музее, отдавались в рыбацкие союзы для упаковки товара [32]. Выражением протеста П. Я. Чепуриной против действий заведующего стал ее отъезд в Москву, где она участвовала в этнографической выставке со своей коллекцией крымскотатарского орнамента, выступала с докладами в Государственной академии художественных наук, в Антропологической секции Тимирязевского научно-исследовательского института, Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, реставрационных мастерских Главнауки РСФСР [33].

А в это время Я. Г. Благодарный развернул в Евпатории деятельность про привлечению П. Я. Чепуриной к судебной ответственности «за умышленное и злостное намерение помешать развитию музея, организации новых отделов и приведению в порядок фондового имущества» [34]. За-

ведующий инкриминировал своему помощнику что она «умышленно смешала и спутала нумерацию музейных тканей в целях внести беспорядок в учет и маскировала недостаток имущества», в личных целях «для зарисовок <…> распорола и испортила несколько тканей» [35]. В разгар конфликта с Я. Г. Благодарным Полина Яковлевна организовала в Москве по предложению Государственной академии художественных наук выставку зарисовок крымскотатарского орнамента, ткачества и вышивок XVII-XIX века [36]. 25 февраля 1929 г. она вынуждена была написать заявление об увольнении из Краеведческого музея города Евпатории «по собственному желанию, ввиду необходимости закончить многотомный труд по крымскотатарскому орнаменту» [37].

С 1930 г. П. Я. Чепурина была занята организацией вышивально-ткацких артелей в Алуште, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Ялте, а также в деревнях Биюк-Янкой под Симферополем и Отузы (Восточный Крым). В этих артелях работало более 350 мастериц. Одной из практических целей такой работы было создание продукции, предназначенной на экспорт. Одновременно этнограф публиковала свои исследования и продолжала научную обработку материала.

Следует заметить, что П. Я. Чепурина активно сотрудничала в наиболее авторитетном союзе крымских краеведов – Таврическом обществе истории, археологии и этнографии. В протоколах заседаний этой организации выявлены следующие доклады краеведа: «Древний рукописный коран из мечети Джума-Джами в Евпатории» (25 ноября 1925 г.), «Из истории культуры караимов» (16 мая 1926 г.), «Орнаментальное тканье крымских татар» (21 ноября 1929 г.), «Старинные караимские дома в Евпатории» (17 июня 1930 г.). В третьем томе «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии» была напечатана ее статья «Орнаментарное тканье крымских татар» [38], где были рассмотрены технические приемы ткачества, рисунка, точной передачи колорита. Автором описаны приему отдельных видов ткачества.

В 1931 г. П. Я. Чепурина передала руководство артелями своей ученице К. Я. Рыбальской и посвятила себя исключительно научно-исследовательской и выставочной работе. В 1935 г. в московском Музее восточных культур ею была подготовлена выставка «Ткани Крыма», где были представлены образцы и рисунки орнаментов. Заведующий художественной частью издательства «Академия» М. П. Сокольников в официальном отзыве на эту выставку отметил, что представленные образцы «чрезвычайно ценны как с художественной, так и с научно-исторической точки зрения. Вряд ли можно найти в других республиках СССР специалиста с таким огромным масштабом деятельности по изучению и пропаганде народно-бытового искусства» [39]. Сохранился рукописный отзыв на развернутую П. Я. Чепуриной в Москве выставку бытового искусства крымских татар и караимов Крыма профессора Б. Денике, где разработки крымского краеведа выделены, как «единственно полные по научно-исследовательскому критерию» и предлагались к немедленной публикации [40].

Организованные П. Я. Чепуриной в Москве выставки продемонстрировали необходимость восстановления исчезающего национального искусства. По итогам выставки было принято решение рекомендовать экспонаты, собранные П. Я. Чепуриной к участию во всемирной выставке в Париже 1937 года [41].

В 1935 г. на страницах журнала «Искусство» П. Я. Чепурина представила обзор собранных материалов по караимской и крымскотатарской вышивке [42]. Автор констатировала, что «основными видами бытового искусства народов Крыма являлись ткани и вышивки, как наиболее сохранившиеся виды народного творчества, широко распространенные в степном и нагорном Крыму». Экспедиционная деятельность в 1910-1918 гг. в восточной части горного Крыма (Феодосийский и Судакский округа) позволили ей сделать вывод, что расцвет татарского декоративного искусства относится к XVI – XVII веку, а начало упадка – ко времени захвата Крыма Российской империей. Главная причина этого – постепенное проникновение западноевропейской культуры, которая поменяла быт жителей края и их потребности. В публикации охарактеризована номенклатура композиционных форм рисунка. Автор проследила особенности творчества в отдельных деревнях, связав их с особенностями исторических условий. Описаны приему рисовальщиц.

В отдельной публикации (1935 г.) П. Я. Чепурина осветила работу артелей крымскотатарских вышивальщиц и экспозиционно-выставочную деятельность [43] – итоги Парижской выставки 1928 г., где отправленные Крымгосторгом образцы художественного тканья и шитья крымских татар получили высокую аттестацию; выставки бытового искусства крымских татар и караимов (лето 1935 г.) в Москве. Автор сделала вывод о существовании высокоразвитого бытового искусства народов Крыма, которое имеет высокую научно-художественную ценность. П. Я. Чепуриной был предложен ряд мер для дальнейшего развития народных промыслов: подготовить кадры технических руководителей; снабдить все артели полным комплектом производственных инструментов; наладить связь с сырьевыми базами (хлопок, лен); производить крашение естественными красителями.

В это время по поручению Всесоюзной торговой палаты П. Я. Чепурина занята выявлением возможностей кустарно-художественное промышленности Крыма и подготовкой образцов для международной выставки в Париже 1937 г. [44].

Обширный материал по вопросу изучения орнаментного шитья Крыма П. Я. Чепурина обобщила в отдельной монографии (1938 г.), которая стала результатом многолетних исследований автором технических приемов шитья и стиля крымскотатарского орнамента [45]. Краевед, прежде всего, остановилась на истории изучения вопроса, отметив труды В. Н. Харузиной, Н. Н. Харузина и собранные в досоветское время коллекции А. Л. Бертье-Делагарда, И. Е. Свищова в Ялте и Таврической ученой архивной комиссии в Симферополе. Сделан объективный вывод, что комплексное изучение промыслов народов Крыма на-

чалось только в 1920-е годы. П. Я. Чепурина остановилась на характеристике видов узорчатого шитья (10 видов) крымских татар, организации орнаментного шитья в артелях промкооперации и описании техники крымского текстиля. В книге подробно проанализированы и описаны приемы каждого из видов шитья, установлено происхождение каждого вида и историческое развитие каждой подгруппы, рассмотрен опыт местных художниц-вышивальщиц и возможности его использования в производстве. В заключении представлена картина современного состояния вышивки крымских татар. Издание богато иллюстрировано и содержит таблицы, анализировавшие статистику рассматриваемого вопроса.

Существенным дополнением к библиографии трудов П. Я. Чепуриной являются сведения, почерпнутые из «Опросного листа для научных работников, зарегистрированных Центральным бюро краеведения», (заполнен 5 февраля 1929 г.), где указаны и рукописи П. Я. Чепуриной, подготовленные к печати, выявить которые пока не удалось: «Караимский костюм», «Старо-крымские дома: архитектурно-бытовой очерк», «История музейного строительства в России» [46].

Отдельное внимание евпаторийский музей и П. Я. Чепурина уделяли сохранности и изучению национального книжного фонда. Важной составной музея была находящаяся в его ведении Караимская национальная библиотека «Карай-Битиклиги». В годы революционного лихолетья наблюдался расцвет этой библиотеки. Именно в это время на развитие библиотеки жертвовали свои средства многие зажиточные караимы Евпатории. Сюда передали свои книжные собрания жители города Н. Кокизов, М. Нейман, С. Нейман, М. Сарач, М. Фиркович. В библиотек вошло также собрание книг и рукописей С. Шапшала. В 1920 г. собрание насчитывало около 8 тысяч томов и 1500 рукописей [47]. Наиболее ценную часть караимской библиотеки составляла Библиотека имени караимского ученого-самоучки, просветителя А. Ю. Мирчи. Интересные данные по изучению этого собрания в русле исследования караимской культуры дает нам записка П. Я. Чепуриной, выявленная в Государственном архиве в Автономной Республике Крым (фонд «Краеведческий музей города Евпатории») [48].

Библиотека А. Ю. Мирчи была передана в дар караимскому народу его наследниками в 1916 г. Из-за отсутствия места для размещения книг до 1919 г. она находилась в имении А. Ю. Мирчи. После окончательного установления Советской власти в 1920 г. библиотека была передана музею. В связи с большим объемом было принято решение разместить ее в здании Евпаторийского караимского семиклассного мужского училища, а в январе 1921 г. книжное собрание было перевезено в пустой посудный магазин. Сохранился протокол заседания Коллегии библиотечной секции Политпросвета от 8 августа 1921 года, где рассматривался вопрос «О переходе караимской библиотеки в ведение ОХРИС». На заседании было заслушано сообщение объединенной экспертной комиссии Евпаторийского наробраза и КрымОХРИСА, в состав которой вошли востоковед Челебнев, крымовед, профессор Крымского университета А. И. Маркевич, заведующий библиотекой Крымского университета Н. Л. Эрнст. Комиссия установила состав книг, их ценность. Согласно рекомендации, сделанной комиссией библиотека была передана в 1922 г. в распоряжение Евпаторийского ОХРИСа. С этого времени уникальная книжная коллекция была выделена библиотечной секцией Евпаторийского наробраза как Библиотека-музей.

Летом 1924 г. библиографом Е. Д. Никитиной была впервые проведена предварительная каталогизация книг. Сохранился отчет Е. Д. Никитиной «Наличность и состояние караимской библиотеки имени А. Мирчи», датированный августом 1924 года [49]. Библиограф отметила, что помещение магазина «никуда не годится: темное внизу, продырявленное сверху, потолок обваливается, крыша протекает, в результате чего многие ценные книги портятся». Е. Д. Никитина разбила все издания («12-13 тысяч книг самого разного типа и достоинства, книги по всем отраслям на всех языках смешаны в общей массе») на 6 крупных групп: 1) караимские книги и учебники (до 1000, из них 40 рукописных); 2) арабские издания (около 150); 3) латинские и греческие книги XVI – XVIII века (150 единиц); 4) русские издания XVIII – начала XIX века (до 200 экз.); 5) книги на европейских языках (до 800 наименований, не считая французских изданий XVIII – XIX века, которых было несколько тысяч, в том числе «до 500 особо ценных»); 6) более 1000 разрозненных, разрушенных книг [50].

В июле 1924 г. часть наиболее редких изданий была представлена на выставке «Старина Востока» в евпаторийском музее «Искусство старины». В этом же году часть редких изданий была переведена на хранение в музей. В дальнейшем библиотека-музей пережила несколько трагических моментов. Зимой 1924-1925 года в результате сильных ливней и установившихся внезапно морозов в магазине, где хранилась основная часть собрания, провалилась крыша. Часть изданий была украдена. (По подсчетам П. Я. Чепуриной – 500-750 книг [51]). В мая 1925 г. все книги были перенесены в музей. В 1926-1927 годах по приглашению музея их изучением занимался заведующий отделом гебраики Азиатского музея АН СССР профессор М. Н. Соколов. Одновременно сотрудники краеведческого музея К. Битиклиги, Б. С. Ельяшевич, П. Я. Чепурина под руководством М. Н. Соколова занимались разбором, систематизацией и каталогизацией рукописной части этого собрания. Ими были выделены 234 тома рукописных книг, написанных караимскими учеными в XIII – XIX веке, проведено библиографирование печатных караимских изданий. Древняя караимская литература была представлена переводами и комментариями к Библии, трудами по филологии, этике, нравственности, изящной словесности, работами по физике, астрономии, математике, справочной литературой. Значительную часть собрания составляли материалы по фольклору караимов, среди которых наибольший интерес представляли фольклорные сборники «мджума». В собрании находились и ка-

раимские брачные договоры «шетары» XVIII века. Последние послужили объектом отдельного исследования, выполненного П. Я. Чепуриной совместно с Б. С. Ельяшевичем [52], которое было опубликовано в 1927 г. Краеведы поместили переводы нескольких шетаров со своими комментариями.

Ведущую роль в разборе книг Караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» сыграл Борис Саадьевич Ельяшевич, который также занимал должность руководителя по кенассам Евпаторийского археолого-этнографического (краеведческого) музея [53]. Из его отдельных публикаций выявлено лишь историко-краеведческое описание евпаторийских караимских кенас (1928 г.) [54]. Впоследствии библиотекарем стал Шабетай Маркович Тиро.

Летом 1927 г. представителем Московского профИнтерна журналистом Яном Мак-Ферсоном были просмотрены английские и немецкие издания. Отобранные 4822 книги второй категории ценности были перенесены в гаражный сарай, где пересчитаны, расставлены в шкафах и опечатаны. В здании музея оставалось до 5 тысяч книг. Они разбирались на добровольных началах научным сотрудником Анной Яковлевной Денисевич. При передаче дел П. Я. Чепуриной новому заведующему музеем Я. Г. Благодарному был составлен акт, датированный 28 мая 1928 г., из которого явствует, что в ее состав входили 515 караимских и древнееврейских рукописей, архивный материал караимской общины (245 единиц хранения); книг и журналов – 12185 единиц. Кроме этого 1000 штук книг, древние шетары, восточные рукописи с дефектами, два свитка торы, две коробки с кинофильмами [55].

В 1928-1929 гг. археологические исследования в районе Евпатории проводил профессор, заведующий Сумским археологическим музеем, археолог Н. Е. Макаренко, к которому Я. Г. Благодарный обратился с просьбой просмотреть книги на предмет их ценности и выставку тканей, которая проводилась в это время музеем. Н. Е. Макаренко потребовал в качестве платы за проведенную экспертизу разрешить ему вывезти в Сумы часть книг. Он отобрал на свое усмотрение три ящика различных изданий. П. Я. Чепурина могла лишь высказать Я. Г. Благодарному свои суждения об исключительной ценности того или другого издания, но к ее замечаниям не прислушивались и книги были вывезены [56]. В связи с тем, что Н. Е. Макаренко отбирал их самостоятельно библиотекарь даже не успел внести отметки в свою картотеку. Б. С. Ельяшевич и П. Я. Чепурина до последних дней пребывания рукописной части собрания в стенах музея продолжали работу по их разбору. В письме к евпаторийскому районному архивариусу (1929 г.) Полина Яковлевна дала характеристику разобранной части рукописей Караимской национальной библиотеки. Она отметила, что «рукописные тетради имеют большое значение для истории караимов». «Материал прочитан, пронумерован и для хранения заложен в особые бумажные папки. Полное научное обследование требует более обстоятельного труда и отсюда, и отдельной оплаты. Силами Евпаторийского музея возможна лишь предварительная работа к научному обследованию» [57].

В связи с начавшимися при Я. Г. Благодарном разграблении фондов библиотеки по настоянию караимской общественности в Евпаторию была командирована комиссия во главе с академиком И. Ю. Крачковским. Одновременно большой интерес к данному книжному собранию проявили симферопольские краеведы. 24 ноября 1928 г. состоялось заседание Совещания по обследованию библиотечного фонда Евпаторийского ОХРИС под председательством В. И. Филоненко. Интерес представляет сделанный востоковедом доклад «О караимской библиотеке в Евпатории», в котором он остановился на характеристике ее книжного фонда, продемонстрировал значение данного собрания для караимской культуры. В. И. Филоненко констатировал, что «основное ядро караимской библиотеки представляет из себя исключительно солидный материал по караимству. Ценность ее вне сомнения» [58]. Входивший в состав Совещания заведующий научной библиотекой Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе Василий Михайлович Марков предложил передать часть книжного собрания, относящуюся к востоковедческим проблемам, в Отделение востоковедения этого вуза [59]. Однако рекомендации Совещания остались не реализованными.

В 1929 г. ставился вопрос о передаче книг в собрание профильных московских музеев и государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Для этого в Евпаторию приезжал сотрудник бывшего Румянцевского музея (в данное время – Гос. библиотеки им. В. И. Ленина в Москве) Гурлянд с целью описания рукописей, несмотря на то, что эта работа уже была проведена М. Н. Соколовым. В связи с этим научный консультант музея В. И. Филоненко писал Я. Г. Благодарному 23 апреля 1928 г.: «Если не удастся открыть библиотеку в Евпатории, надо отдать только рукописи в Москву или Ленинград». Ученый настаивал на сохранении книг непосредственно в евпаторийском музее [60].

В итоге, все рукописи и ценные книги были переданы в Библиотеку Академии наук в Ленинграде и Институт востоковедения (Москва). В результате Карай Битиклиги прекратила существование.

В письме, направленном в Главнауку Наркомпроса РСФСР 29 августа 1929 года, Я. Г. Благодарный констатировал, что «Евпаторийский музей в настоящее время, т.е. 1929 г., перешел на краеведческие основы и формы своей работы. Его район деятельности по собиранию и изучению материала – Евпатория и ее уезды» [61]. Этот документ позволяет получить представление о созданной в начале 1920-х годов «Восточной комнате»: «В своем этнографическом отделе музей имеет подотделы: татарский и караимский. Татарский представляет две комнаты – свадебная и уголок жилой комнаты, в которой выставлены предметы быта. Все имущество этого отдела составляют: немного медной посуды, пояса и пряжки женские, три ятагана, десяток монет ханского времени, два рукописных Корана, порядочное число вышивок ручной работы, несколько домашней работы тканей и разная мелочь женская, как принадлежности свадебной, брачной комнаты. Музей,

кажется, исчерпал все средства, вплоть до предложения покупки, извлекая у населения предметы татарской старины и все, что можно собрать, собрано, приобретено музеем» [62]. Я. Г. Благодарный обратился в Главнауку с просьбой оказать содействие в передаче из столичных музеев части коллекций по крымским татарам. Он сетовал на то, что неоднократно обращался к «родственному музею» в Бахчисарае, но «помощи не получил»: «Между музеями Крыма нет общности в работе. Каждый для себя живет. Эта разобщенность, а также отсутствие тюрколога в музее Евпатории и молодость музея» являются существенными помехами в работе [63].

Сохранившаяся переписка Я. Г. Благодарного сдиректором Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинским свидетельствует об обратном. 20 февраля 1929 г. бахчисарайские коллеги прислали в Евпаторию рисунки различных крымскотатарских вещей, которые предлагали приобрести евпаторийскому музею [64]. 24 февраля 1929 г. У. А. Боданинский сообщал, что библиотека Бахчисарайского дворца-музея отобрала дубликаты фотоснимков экспедиции 1925 г. и материалы экспедиции 1928 г. для передачи их в Евпаторию. Также для передачи готовились копии с рисунков быта степных татар Крыма: «Мы для Вас отобрали материалы как этнографической, так и историко-политической тематики <…> Помочь Вам, чтобы экспозиция комнаты соответствовала бытовой обстановке степных татар» [65]. «Вообще говоря, – писал У. А. Боданинский Я. Г. Благодарному, – нужно непременно налаживать взаимоотношения Бахчисарайского и Евпаторийского музеев в сторону их сближения <…> Нужно, чтобы эти музеи взаимно друг другу помогали и научно дополняли бы свой материал и формы своей экспозиции» [66].

С аналогичными предложениями в адрес Краеведческого музея г. Евпатории обращался и заведующий Восточным музеем в Ялте Я. М. Якуб-Кемаль, предлагавший обменяться некоторыми экспонатами [67]. Однако позиция Я. Г. Благодарного, не желавшего развивать этнографическое направление деятельности музея, свела на нет научные контакты евпаторийского музея с другими местными научными центрами.

Вместе с тем, в Евпатории был накоплен большой массив памятников, связанных с культурой народов Крыма. В связи с уходом Я. Г. Благодарного был составлен «Акт сдачи-приемки коллекции» (28 мая 1938 г.) новым директором Г. Ю. Бушем, согласно которому экспонаты этнографической коллекции были представлены в «Комнате бедной татарки» (глиняные сосуды, ручная мельница, столики, платья, платки, кровать-люлька, дорожки войлочные, мараме, сундуки, подушки, матрац, рубашки, фартук, висячий деревянный ящик для ложек) [68], «Комнате капитализма» (этнографическая карта Крымской АССР 1935 г.), «Татарской комнате» (деревянная касса, столики, женское ожерелье, футляры для молитвы, броши, кольца, браслеты, ходули, пряжки, башмаки) [69], «Свадебной комнате» (парча, полотенца, марама хаджи, кофты женские, платья, наволочки, мужской пояс, персидская набойка, подушка, чехол для диванной подушки, свадебные башмаки, мендеры, учкур, носовые платки, поднос, чашки для кофе, кофейный сервиз, кувшин для воды) [70], «Феодальной комнате» (предметы крымских татар XVIII века эпохи Крымского ханства).

Однако выставить все эти богатые материалы реальной возможности не было. Весной 1937 г. в Евпатории решался вопрос о здании для родильного дома под которые местные власти облюбовали музей [71]. Постановлением Совета Народный Комиссаров Крымской АССР № 993 от 28 мая 1937 г. музею предписывалось переехать в здание бывшей мечети [72].

Таким образом, в течение 1920-х годов в Евпаторийском музее «Искусство старины» (затем Этнографо-археологический, Краеведческий музей г. Евпатории) были собраны уникальные коллекции по культуре караимов и крымских татар из которых всемирную известность приобрели собрания орнамента, шитья и тканья крымских татар (И. С. Аирчинский, П. Я. Чепурина), силами местных подвижников краеведения и столичных ученых проводилась работа по сохранению и систематизации уникального книжного собрания «Карай Битиклиги» (К. Битиклиги, А. Я. Денисевич, Б. С. Ельяшевич, И. Ю. Крачковский, Е. Д. Никитина, М. Н. Соколов, Ш. М. Тиро, В. И. Филоненко). Выставочная работа, проводимая сотрудниками музея (П. Я. Чепурина) была перенесена в ведущие выставочные центры. В деле популяризации и дальнейшего изучения культуры крымскотатарского народа сыграли выставки зарисовок крымскотатарского орнамента, ткачества и вышивок в Москве (1929, 1935 гг.) и всемирные выставки декоративного искусства и современной художественной промышленности в Париже (1925, 1928, 1937 гг.). Подготовленные П. Я Чепуриной на этих выставках экспозиции принесли престижные награды.

Закат «Золотого десятилетия советского краеведения» в конце 1920-х гг. впрямую отразился на деятельности евпаторийского музея, когда был найден предлог для смещения П. Я. Чепуриной и ее место занял функционер с неполным высшим образованием Я. Г. Благодарный. Некомпетентные формы руководства музеем Я. Г. Благодарным вызвали протест П. Я. Чепуриной и конфликт между ними, что привело к уходу последней из музея. Ослабление кадрового состава музея привело к свертыванию этнографических программ в Евпатории и ее районе.

Примечания

1. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Биобиблиографическое исследование.– Симферополь, 2000.– С. 285-286.
2. Чепурина П. Я. Евпаторийский музей // Крым.– М., 1926.– № 2.– С. 200.
3. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 200.
4. Дмитерко Н. На пороге шестидесятилетия // Вестник музея: Тематический выпуск к 75-

летию Евпаторийского городского краеведческого музея.– Евпатория, 1996.– С. 6-7.
5. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 167.
6. Там же, л. 58.
7. Там же, л. 178.
8. Там же, л. 58.
9. Там же, л. 90.
10. Там же, л. 30.
11. Там же, л. 92.
12. Там же, л. 64.
13. Урсу Д. П. Востоковедение и востоковеды Крыма (1918-1941) // Востоковедный сборник / Таврический экологический институт.– Симферополь, 1997.– Вып. 1.– С. 22-23.
14. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 12.
15. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941).– Симферополь: Крымучпедгиз, 1999.– С. 33.
16. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження.– Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003.– С. 227-229.
17. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 38 об.
18. Там же, л. 58-59.
19. Там же, л. 38 об.
20. ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 747, л. 103.
21. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 1-2.
22. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 6, л. 11.
23. Чепурина П. Я. Евпатория – ее живая археология // Крым.– М., 1925.– № 1.– С. 73-74.
24. Чепурина П. Я. Евпаторийский музей // Крым.– М., 1926.– № 2.– С. 200.
25. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 7, л. 214.
26. Чепурина П. Я. О Коране евпаторийской мечети // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи.– 1926.– № 3.– 7 сент.
27. Чепурина П. Я. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами).– Евпатория, 1927.– 8 с.
28. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 1184, л. 23.
29. Там же, л. 24.
30. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 52, л. 48-50.
31. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 160.
32. Там же, л. 120.
33. Там же, л. 165.
34. Там же, л. 54.
35. Там же, л. 54 об.
36. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 3-4.
37. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 168.
38. Чепурина П. Я. Орнаментарное тканье крымских татар // ИТОИАиЭ.– Симферополь, 1929.– Т. 3.– С. 72-77.
39. Цит. по: Рославцева Л. И. Вклад П. Я. Чепуриной в собирательство и изучение предметов быта крымских татар // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока: К 150-летию со дня рождения: Материалы международной научной конф. / Отв. ред. С. М. Червонная.– М., 2001.– С. 263-267.
40. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 8.
41. Там же, л. 5.
42. Чепурина П. Я. Татарская вышивка // Искусство.– 1935.– № 2.– С. 103-108.
43. Чепурина П. Я. О бытовом искусстве крымских народов // Социалистическая экономика и культура Крыма.– Симферополь, 1935.– № 5.– С. 83-86.
44. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 5.
45. Чепурина П. Я. Орнаментарное шитье Крыма.– М.; Л.: Всесоюзн. кооп. объединенное изд-ва, 1938.– 64 с.
46. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 166-166 об.
47. Коняхина З. Н. Карай Битиклиги – национальная библиотека крымских караимов // Известия Крымского республиканского краеведческого музея.– Симферополь, 1994.– № 8.– С. 62.
48. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 192-193 об.
49. Там же, д. 6, л. 68-68 об.
50. Там же.
51. Там же, д. 11, л. 192 об.
52. Чепурина П. Я., Ельяшевич Б. Караимские брачные договоры «шетары» // ИТОИАиЭ.– Симферополь, 1927.– Т. 1.– С. 181-195.
53. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 3; д. 11, л. 171.
54. Ельяшевич Б. С. Евпаторийские караимские кенасы: Краткое описание.– Евпатория, 1928.– 16 с.
55. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 109.
56. Там же, л. 192 об.
57. Там же, л. 191 об.
58. Там же, д. 10, л. 194.
59. Там же, л. 194 об.
60. Там же, д. 11, л. 190.
61. Там же, л. 118.
62. Там же.
63. Там же, л. 119.
64. Там же, л. 91.
65. Там же, л. 93.
66. Там же, л. 93 об.
67. Там же, л. 95.
68. ЕКМ, ф. История музея, д. Акты сдачи-приемки коллекции, л. 12.
69. Там же, л. 43.
70. Там же, л. 44-48.
71. Кац З. Как ликвидировали в Евпатории музей // Красный Крым.– 1937.– 8 мая.
72. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 53.

Поцулко Е.А.

РОЛЬ БОЛГАРИИ В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1911 – 1912 ГГ.

В начале XX века средиземноморско-балканский район сохранял свою устойчивую репутацию в мировой политике как один из основных центров конфликтного пересечения интересов великих держав, с одной стороны, и как чреватого внутренним взрывом геополитического пространства, с другой. Борьба за лидерство, разворачивавшаяся между государствами полуострова, была проявлением объективного процесса их становления как стран, имеющих региональную значимость. Всё это служило причиной, обостренного внимания представителей русской военной разведки за рубежом – военных агентов к развитию ситуации на Балканах.